

КОНСТАНТИН ВАГИНОВ И ГРУППА «ОБЭРИУ»: МЕТАФИЗИКА СЛУЧАЯ

KONSTANTIN VAGINOV AND THE OBERIU GROUP: THE METAPHYSICS OF *CHANCE*

БЫКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
BYKOV SERGEY VLADIMIROVICH

доктор психологических наук, профессор кафедры «Живопись и художественное образование» Тольяттинского государственного университета

doctor of psychology, department of Painting and art education, Togliatti State University

Ключевые слова: романы К. Вагинова, философия и литература обэриутов, М. Бахтин, литературные герои постреволюционного времени.

Keywords: novels of K. Vaginov, philosophy and literature of Oberiut group, M. Bakhtin, literary heroes of the post-revolutionary period.

Аннотация. Творчество Константина Вагинова и группы обэриутов — сложное многоплановое литературное явление. Представляет собой гротескно-карнавальное осмысление советской реальности 20–30-х годов XX века. Философия литературы обэриутов воспринималась как бессмыслица — «примитивное», эпатажное, трагикомическое начало, отражающее особенности становления ленинградской школы в литературе. Психологическая природа характеров героев и социально-психологических явлений, показанная в их творчестве, актуальна для сегодняшнего дня.

Annotation. The work of Konstantin Vaginov and the Oberiut group is a complex, multi-dimensional phenomenon. It is a grotesque carnival comprehension of the Soviet reality of the 20–30s of the XX century. The philosophy of the Oberiut literature was perceived as nonsense — a strange, «primitive», infantile, tragicomic beginning, reflecting the peculiarities of the formation of the Leningrad school in literature. The psychological nature of the characters and socio-psychological phenomena, shown in their work, is relevant to the present day.

Памяти Валерия Подороги

Петербург военного коммунизма выглядел пустынно и страшно. Как и многих его современников, писателя Константина Вагинова волновала судьба культуры: найдется ли место в новом, материалистическом мире, в изменившихся социальных условиях жрецам искусства. Отпечаток «сплетения судеб» мы находим в философских и литературных взглядах Вагинова, Бахтина, Хармса, Заболоцкого, Введенского и других

деятелей литературы и искусства того времени [3]. Читатели отнеслись к роману Вагинова «Козлиная песнь» с большим интересом, подогреваемым и узнаваемостью героев. В вагиновских романах проходит настоящее карнавальное шествие чудаков всех мастей. В поэте и художнике Заэфратском узнаваемы черты Н. Гумилёва; в образе Кости Ротикова — переводчика И. А. Лихачёва. Выведены в романе и ленинградские поэты П. Лукницкий, Вс. Рождественский, С. Колбасев, С. Нельдихен, В. Март. Черты самого Вагинова запечатлены отчасти в обра-

зе Неизвестного поэта, отчасти в лице его альтер эго Автора. Смерть Неизвестного поэта, застрелившегося в гостинице, явно навеяна гибелью С. Есенина.

Попытки разобраться в сложном творчестве писателя встречаются лишь в рецензиях на его первый роман. В отзывах на последующие преобладает вульгарный социологизм, переходивший подчас в бездоказательную брань. Работы же серьезных критиков о Вагинове попросту не печатались. По словам самого писателя «отроки и старцы не только философию, но и сердце человеческое забыли...» [4, с. 8]. И действительно, как тамошние критики с «революционным» мышлением могли реагировать на его тексты? Прочитав «Предисловие, произнесенное появляющимся на пороге книги автором. Петербург окрашен для меня с некоторых пор в зеленоватый цвет, мерцающий и мигающий, цвет ужасный, фосфорический. И на домах, и на лицах, и в душах дрожит зеленоватый огонек, и не Петр Петрович перед тобой, а липкий гад; взметнется огонек — и ты хуже гада; а по улицам не люди ходят: заглянешь под шляпку — змеиная голова; вступишься в старушку — жаба сидит и животом движет...» [4, с. 14]. Заметим, что Вагинов город революции называет Петербургом, не Ленинградом. При датировке своих стихотворений и прозы, Даниил Хармс и другие обэриуты также именуют место своего творчества как Петербург. Такая вот проявляется форма неприятия и сопротивления. Философ М. М. Бахтин и его единомышленники, отметили карнавальный характер первого вагинского романа. Смеховое начало, как основу мирозерцания, отмечаем в творчестве друга Бахтина — Константина Вагинова, одного из сподвижников ленинградской литературной группы «ОБЭРИУ». Влияние на Бахтина особенно проявилось в его восприятии смеховой ткани карнавальных, модернистских романов Вагинова — «Козлиная песнь» (1928), «Труды и дни Свистонова» (1929) и «Бамбочада» (1931). Роман «Гарпагониа-на» (1932–1933) автор опубликованным не увидел.

Вагинов воспринимал бахтинскую теорию «мениппеи», которая выразилась в «Козлиной песне». Бахтин в тот период начал работать над проблемой менипповой сатиры. Одной из особенностей этого жанра было карнавальное восприятие мира, шутовской юмор, сопровождавшийся переименованием сцен эпоса и трагедии. Не случайно в этом романе упоминается «Утешение философией» римского философа Боэция, книга, которая, по мнению Бахтина, завершила развитие менипповой сатиры на античном этапе. Беседы с Бахтиным, совпавшие с периодом работы Вагинова над «Козлиной песней», нашли отражение в романе. Как отмечает В. Кожин, «Бахтина, который одним из первых в мировой науке изучил природу карнавальной культуры, очень интересовали люди «карнавального склада»... поэт Н. Клюев, незаслуженно забытый поэт и прозаик К. Вагинов, литературовед Л. В. Пумпянский и др.» [11, с. 13]. Верх и низ, возвышенное и земное, трагическое и комическое перемешаны в «Козлиной песне» в гротескной чехарде, что соотносится с бахтинским пониманием карнавальной культуры как переименованной. Многозначность, смешение стилей, раздвоение личности, мотивы маниакальности присутствуют и в других романах Вагинова, где философские рассуждения переплетаются с жанровыми картинками, описание быта эстетствующих интеллигентов перемежается с описанием жизни городских низов. Одним из прототипов «Козлиной песни» явился и сам Бахтин, выведенный в романе под именем Философа. В круге Бахтина Вагинов быстро стал своим. Он подружился с И. И. Соллертинским, М. В. Юдиной, А. Н. Медведевым, Л. В. Пумпянским, послужившим прототипом для одного из главных героев «Козлиной песни» — Тептёлкина. В «Трудах и днях Свистонова» в пародийной форме представлен вечер обэриутов в Доме печати «Три левых часа», в котором принимали участие и сам Вагинов, вместе с Хармсом, Введенским, Заболоцким и Бахтеревым входивший в поэтическую секцию ОБЭРИУ. Четыре романа Вагинова условно можно разделить на две дилогии. В «Трудах и днях Свистонова» отражено восприятие романа «Козлиная

песнь» околелитературной публикой, язвительно названной Вагиновым «обществом довольно еще молодых сплетников и сплетниц» [4, с. 11]. В отличие от героев «Козлиной песни», оригинальных личностей, наделенных умом и талантом, герои «Трудов и дней...» стараются казаться оригиналь-

ными, не будучи таковыми на самом деле. Они приходят в роман Свистонова, надеясь, что будут запечатлены как значительные личности, но Свистонов не щадит своих героев, а Вагинов не щадит и самого Свистонова, показывая, что искусство, не согретое любовью к людям, губительно для творца. В романе «Гарпагониана» действуют знакомые по «Бамбочаде» члены общества собирания мелочей уходящего быта — инженер Торопуло и физик Пуншевич. Эти веселые, жизнерадостные люди отступают на второй план перед одержимым манией систематизаторства преподавателем голландского языка Жулонбиным, для которого главное наслаждение — сам процесс накопления. Вагинов за короткое время создает литературную энциклопедию героев «переходного» советского времени, своим творчеством ставит перед публикой шекспировские вопросы. От предшествующих книг «Гарпагониана» отличается трагической безысходностью, отсутствием воздуха, которого так не хватало в тридцатые годы самому писателю.

В этом контексте, вспоминаются роли Лира в исполнении талантливого актера-трагика Юри Ярвета и шута — «нервного и тонко чувствующего» Олега Даля, в знаменитом фильме Г. Козинцева «Король Лир». Смена ролевых мест, переворачивание смыслов, проживание ими своей личностной трагедии и актерское воплощение «верха» и «низа» по определению М. Бахтина, как нельзя лучше показывают шекспировскую идею противоборства вечных человеческих противоборств в душе — света и тени, добра и зла, опасного и манящего ощущения всемогущества власти и потери себя, своего «я». Качели личностной амбивалентности: ты на вершине — (свет) и ты внизу — (тьма), «светлая и темная материя» души, характеризуют переворот нравственных и этических ценностей. В этом контексте, карнавал как спонтанное действие, постепенно переходящее в управляемое

шествие, есть преодоление первобытного, животного страха (тьмы), через смех — к свету, свободе, причастности, защите и безопасности. «Человеческая биомасса», как писал Ортега-и-Гассет, — «тело» народа, нуждалось в подобной социальной «релаксации». Не случайно, посланием для трудящихся в свое время был лозунг вождя — «Важнейшим из искусств для нас является кино и цирк». Как писал Бахтин, «такого рода мироощущение подсказывало маскам слуги и господина и право на потерю словесной субординации, и чувство взаимной веселой приязни. Этот двойной план отношений был предопределен двойным характером карнавального смеха, который «амбивалентен: и — одновременно — насмешливый, высмеивающий, он и отрицает и утверждает» [1, с. 15]. Как писал Г. Н. Бояджиев, «став искусством, театр не оборвал своих связей с карнавальным мировоззрением. Он сохранил верность духу свободы и праздничного карнавала. Он уберег и развил важнейший принцип народных увеселений: здесь стирались грани между утопическим миром веселья и миром реальных отношений» [2, с. 61].

В литературной родословной Вагинова — петербургские повести Достоевского и Гоголя, «Петербург» А. Белого. Поздний античный роман, новелла Возрождения и плутовской роман XVIII века, также являются источником вдохновения автора. Романы Вагинова — редкий документ обстоятельств советской культурной жизни 20–30-х годов XX века. Психологическая природа характеров героев и социально-психологических явлений, показанных в его романах, актуальна для сегодняшнего дня. Таков «гламурный», обыденный мир шоу-бизнеса — мир интриг, стяжательства, сплетен в погоне за накопительством. Современный околелитературный мир также перекликается с той эпохой.

Подробный философский анализ текстов Обэриутов провел В. А. Подорога. Он пишет, что «все завершенные так и не завершенные работы Обэриутов посвящены изучению проблематики расщепленной референции (по выражению Р. Якобсона). Сама поэзия Обэриу, где налицо организация образной массы посредством техник алогизма. Все дробиться на меньшее и большее, все соотносится со всем, но ничто не реферировано к чему-либо, кроме себя. Эта самоотнесенность или аутореферентность является верным признаком бессмыслицы. Всякий образ, выходящий за границы ожидаемого или просто привычки, оказывается чем-то вроде вымысла ("игры воображения"), именно он при-останавливает действие референции. Включение воображения и есть такая при-остановка. Вымысел поэтический итог игры во-

ображения, оно свободно; и эта свобода не просто формальная, а реальная. Поэт высвобождает свои ощущения, чувства, восприятие от прежних образов и штампов, словно начинает пользоваться ими впервые и только по случаю, а не с какой-то предвзятой целью или выгодой. В поэзии мы наблюдаем не просто нарушение референции, а ее активное расщепление» [12, с. 509]. По замечанию П. Рикёра: поэт — это «тот гений, который порождает расщепленные референции посредством создания вымысла» [13, с. 429]. «Мы находим образцы критической авторефлексии, накладывающей определенные обязательства на поэтический опыт обэриутов. Эти замечательные мастера малых схоластических трактатов, истинное назначение которых остается прежним, они готовы служить поэзии, не метафизике» [12, с. 511]. Автор продолжает: «начальное отрицание, выраженное в часто применяющейся частице "не", которая обозначает не столько отрицание, сколько указание на то, что стало предметом обсуждения, (не) существует. Введенский же использует отрицательную частицу "не" как индекс иного (знания или понимания). Вот типичный бросок смысла: "Я почувствовал и впервые не понял время в тюрьме". Здесь явное противопоставление "почувствовал" — "не понял"; в сущности, не (отрицание) указывает на глубинный слой опыта, где нет отрицаний, или оно фиктивно (сновидения, "спиртуозы", измененные состояния сознания). "Не" — это акт отстранения высказывания перед тем, что не может быть понято вообще. А это значит, что на первый план выдвигается опытное знание, которое могут "не понимать", но которое неизбежно накапливается. Так что за обэриутским "нет" мы находим поэтический опыт, нейтральный к индивидуальным, позитивным или негативным, аспектам понимания. Опыт здесь иного рода: он накапливается в силу экспериментального расширения поэтической базы, не пассивности приобретателя, не только наследника традиции. Непонимание как форма мысли не обязательно совпадает с поэтической бессмыслицей» [12, с. 513]. Философ В. А. Подорога отмечает, что «учреждение «небольшой погрешности», т. е. поиск равновесия внутри поэтической системы, сопровождается раскачиванием, вращением, остановкой, новым повтором тех же операций. Как ни странно, но именно явление множества частиц (световых, тактильных, слуховых, ритмических, гравитационных, ударных и т. п.), — всей этой массы дискретно воспринимаемой материи — подчиняется действию, по определению Л. Липавского, «внутри мгновенного ритма» [9, с. 122]. А это значит, что в этом распаде заложено

но всеобщее единство частиц, которое мы и называем особым ритмом; так все взаимодействующие частицы синхронизируют свое движение по отношению к единой внешней Силе (Богу). Явление частиц есть следствие обратного вращения, и здесь нет перехода к целому (реальности); если он и возможен, то только как чудо. Что исследует, например, Липавский? Перечислим: частицы движения: кино-частицы, «отпечатки» (фотокиноматерия); частицы качеств: как «разности разностей»; «частицы языка» — отрицательные, положительные, указательные; частицы (элементы) преобразований. К ряду частиц можно также отнести: «семена слов» — иероглифы (тайнопись) — элементы. Например, отношение потока (движения) и частицы (образа-отпечатка) [12, с. 511]. «Друскин — философ-мистик: его цель — не истина, а тайна. Философствование он превратил в повседневное упражнение по овладению искусством прикосновения к чему-то непостижимому, тайному. Именно поэтому (моя гипотеза) игра в шифрование, которой увлечен был почти каждый из обэриутов (Хармс, Введенский, Липавский) определяется для него целями личного спасения» [12, с. 575].

Автор делает вывод: «общая манера размышлять для Хармса, Вагинова и Введенского, и, конечно, для главного обэриутского философа Липавского заключается в следующем по простоте приеме: сопоставлении всего со всем (слов, событий, вещей и происшествий, фактов и идей). Герой Вагинова собирает мелкие и мельчайшие осколки событий, приносимых постреволюционным временем, которые он сохраняет в виде газетных вырезок, оберток, «ногтей», окурков, картинок; все это нелепые странные остатки, почти мусор, выхваченные из единого потока времени, они образуют причудливые коллекции случайного, никому не нужного, истраченного бытия. У обэриутов аристотелевская эстетика чистого повтора распадается, на первый план выходит метафизика Случая» [12, с. 437].

Вагинов умер в 1934 году. Леонид Липавский погиб в начале войны. Сочувствующий обэриутам Николай Олейников, Введенский и Хармс погибли вскоре после их ареста. Из группы обэриутов,

в живых остались только Заболоцкий, Друскин и Бахтерев. Яков Друскин, с риском для своей жизни, спас в блокадном Ленинграде часть архива Хармса и благодаря этому мужественному поступку, мы имеем возможность читать его произведения. По свидетельству современников, ряд сильных произведений Юрия Владимировича, Введенского, Хармса и других обэриутов, утеряны.

Заболоцкий оставил стихи в память о своих товарищах, хотя эстетически разошелся с ними. В 50-х гг. Заболоцкий со светлым чувством о своих друзьях, напишет проникновенное стихотворение (цит. по [15, с. 531–533]), посвященное памяти Даниила Хармса и Александра Введенского. Посвящения к стихотворению не было, но все понимали о ком идет речь.

Прощание с друзьями

В широких шляпах, длинных пиджаках,
С тетрадами своих стихотворений,
Давным-давно рассыпались вы в прах,
Как ветки облетевшие сирени.
Вы в той стране, где нет готовых форм,
Где все разъято, смешано, разбито,
Где вместо неба — лишь могильный холм
И неподвижна лунная орбита.
Там на ином, невнятном языке
Поет синклит беззвучных насекомых,
Там с маленьким фонариком в руке
Жук-человек приветствует знакомых.
Спокойно ль вам, товарищи мои?
Легко ли вам? И всё ли вы забыли?
Теперь вам братья — корни, муравьи,
Травинки, вздохи, столбики из пыли.
Теперь вам сестры — цветики гвоздик,
Соски сирени, щепочки, цыплята...
И уж не в силах вспомнить ваш язык
Там наверху оставленного брата.
Ему еще не место в тех краях,
Где вы исчезли, легкие как тени,
В широких шляпах, длинных пиджаках,
С тетрадами своих стихотворений.

1952

Признанный классик советской литературы — Николай Заболоцкий, остался верен былому обэриутскому братству. Великий поэт, друг и человек.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. — М.: Художественная литература, 1990. — 545 с.

2. Бояджиев Г. Н. Вечно прекрасный театр эпохи возрождения. Италия. Испания. Англия. — Л.: Изд-во «Искусство». Ленинградское отделение, 1973. — 472 с.

3. Быков С. В. «Не-алиби бытия в мире» М. Бахтина, экзистенциальная ответственность и философия литературы обэриутов / Уличный театр против театра военных действий // Сборник научных трудов Международной Бахтинской научно-практической конференции. ФГБНУ «Институт художественного образования и культурологии РАО»; НП «Театр-ЭКС». 2020. — С. 103–115.

4. Вагинов К. К. Полное собрание сочинений в прозе / Сост. А. И. Вагиновой, Т. Л. Никольской и В. И. Эрля. — СПб: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. — 590 с.

5. Введенский А. Полное собрание произведений: В 2-х т. / Вступ. ст., примеч. М. Мейлаха; сост., подг. текста М. Мейлаха и В. Эрля. — М.: Гилея, 1993. Т. 1. — 288 с.

6. Заболоцкий Н. А. Столбцы / Изд. подгот. И. Е. Лоцилов и Н. Н. Заболоцкий (Сер. «Литературные памятники»). — М.: Наука, 2016. — 532 с.

7. Кожин В. Предисловие // Заболоцкий Н. А. Стихотворения. Поэмы. — Тула: Приок. кн. изд-во, 1989. — 367 с., ил. — (Отчий край).

8. Лекманов О. Александр Введенский — поиск новых связей (о стихотворении «Ответ богов») // О. Лекманов. Ключи к «Серебряному веку». — Rosebud Publishing, 2017. — 176 с.

9. Липавский Л. Исследование ужаса. — М.: Ad Marginem, 2005. — С. 323.

10. Мейлах М. Яков Друскин: «Вестники и их разговоры» / Логос. Философско-литературный журнал. № 4 // гл. ред. Анашвили. — Москва: Пр.-изд. комб. «ВИНИТИ», 1993. — С. 89–90.

11. Никольская Т. Константин Вагинов, его время и книги. В кн. Вагинов К. Козлиная песнь: Роман. — СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2013. — 256 с.

12. Подорога В. А. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы в двух томах. Том 2. Часть I. Идея произведения. Experimentum crucis в литературе XX века. А. Белый, А. Платонов, группа Обэриу. — М.: Культурная революция, 2011. — 608 с.

13. Рикёр П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение / Теория метафоры // Сост. и общая редакция Н. Д. Арутюновой. — Москва, «Прогресс». — 1990. — С. 429.

14. Хармс Д. И. Случаи: Избранные произведения. Письма. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 720 с.

15. Шубинский В. Даниил Хармс. Жизнь человека на ветру / Валерий Шубинский. — Москва: АСТ: CORPUS, 2015. — 576 с.